

Д. С. ЛИХАЧЕВ

<О БЛОКАДЕ>

<...> У нас отсутствует воображение. Сегодня мы не можем себе представить, что такое была блокада. И если бы люди хоть немножечко, хоть на одну десятую часть понимали, что такое блокада, они бы представляли себе, как трудно было просто передвигаться по улице, как трудно было спасать культурные ценности, особенно книги, картины, антикварные вещи у тех старых ленинградцев, которые еще хранили их с дореволюционных времен. Как это все было трудно. Это делалось иногда просто потому, что жалко вещи, жалко книг, а не из каких-нибудь корыстных соображений. Ведь это же все были герои...

К фольклористу Колецкому пришли и увидели такую картину: водопровод не действовал, воду носили по лестнице, расплескивали ее из ведер, и лестница вся представляла собой ледник, по которому лед сам сползал вниз. Такая обледенелая лестница. И вот жители верхних квартир не могли уже спуститься вниз и не могли закрыть дверь, потому что надо было сколоть лед с порога, а они не могли — не было сил. Вот пришли в такую квартиру и увидели, что вся семья Колецкого лежала мертвой. Можно себе представить, как они умирали, как читали друг другу стихи, чтобы забыться, чтобы не думать о еде, потому что самое страшное было — думать о еде.

И это поразительно, что во время блокады творческая сила людей особенно возрастала. Человек знал, что он умрет, и чтобы сохранилось хоть что-то, писали дневники, мемуары, архитекторы чертили фантастические здания, которые потом должны были быть построены. Художники, как Билибин, усиленно рисовали перед смертью, писали картины. В блокаду происходила усиленная творческая деятельность.

Вот если бы все это представить конкретно, изучить психологию умирающих людей, изучить их творческую деятельность, собрать все то, что было тогда сделано великого и потом осуществлено (потом ведь осуществлялось многое из того, что во время блокады было замыслено), тогда бы возросло уважение людей к погибшим в блокаду.

Но у нас не хватает воображения. Люди об этом не думают. Ведь многие, живущие в Ленинграде сейчас, не знают, кто жил в их квартире, кто умер здесь, не интересуются историей блокады. Если и интересуются историей Петербурга, то Петровского времени, XVIII или XIX веков, но блокадой, этим пора-

Место и время записи не установлены.

зительным феноменом культуры и умственной жизни, не интересуются. Ведь они даже не знают, что было во время блокады создано. Ведь это же надо было «Золотую книгу блокады» написать. Не только об ужасах блокады, а о том, что люди сделали во время блокады, какие были поразительные учителя, которые учили детей, как себя вести в эти блокадные дни, обходили своих учеников. Ведь учитель чувствовал себя ответственным за учеников, ходил по квартирам к своим ученикам и смотрел, кто жив, кто нет, живых ободрял. Кто сейчас вспоминает этих учителей? Их забыли.

А как тот же Мануйлов в блокаду относился к своей работе! Он был директор Пушкинского дома, и вместе с тем он же был и сантехником, чинил бачки, все делал сам. Он был совершенно замечательный человек, как товарищ. Когда я приехал в Ленинград, у меня украли бумажник с деньгами, с паспортом, с военным билетом, что было тогда очень страшно, со всем. И он отдавал мне часть своего пайка. Он давал мне талончики на обеды. Потом он меня отправил в командировку и выписал мне командировочные. Таким образом он в общем-то меня спас.

Или чувство товарищества, которое было у военных в армии, которое спасало нашу армию. Ведь армия спасалась не умелыми действиями генералов (мы знаем, что они были неумелы), а чувством товарищества, общности и каким-то духом, когда сама толпа солдат знала, куда идти, друг другу доверяли и выдвигали более умных, которых слушали. Вот такая атмосфера была. Я нигде об этом не читал, но такая атмосфера была в армии.

И то же самое было тут, в Пушкинском доме. Мануйлов не был, по существу, назначен директором, он выдвинулся тем, что он заботился. И если он был назначен, то после того, как мы попросили об этом начальство, потому что на него можно было положиться. Такая была психология тогда, в блокаду.

Война как-то очень воспитала людей. Она обнажила и хорошие, и дурные стороны людей. То есть мы не подозревали, какие у нас были трусы, какие были мерзавцы. Вот тот же Канайлов. Он ведь потом хвастался, сколько людей благодаря его бдительности было арестовано. А арестован был Гуковский, арестован был Борис Иванович Коплан, специалист по XVIII веку. Он погиб в тюрьме от голода. Александр Исаакович Никифоров, замечательный специалист по фольклору, богатырь такой был, который приходил с полотенцем в Пушкинский дом, потому что он по пути заходил на Стрелку и там купался. Даже зимой купался в проруби, растирался полотенцем, и это полотенце нес через плечо, и в таком виде являлся в Пушкинский дом. <...>

Канайлов вообще мерзавец был страшный. Я присутствовал при сцене (я ничего не мог поделать), когда он одного рабочего увольнял. Он отнял у рабочего продовольственные карточки. А тот умирал от голода. И у него от бессилия слюна текла. Я как сейчас помню, в директорском кабинете у этого рабочего течет слюна, потому что у него не было сил закрыть рот. И он говорил: «Карточки, карточки» — глухим блокадным голосом. А Канайлов его выталкивал. Таких полуживых рабочих было несколько. Канайлов выталкивал их на улицу, чтобы они не умерли в помещении Пушкинского дома, чтобы умерли на улице и потом какой-нибудь грузовик, собиравший трупы, забрал бы и их. Выталкивал на улицу, чтобы не надо было выносить их трупы.

Так что люди в блокаду как бы обнажились. Были люди совершенно замечательные. Тот же Мануйлов, Стеблин-Каменский, которого он принял. У него, кстати сказать, есть замечательная повесть о блокаде, «Дракон» называется, она опубликована. Затем Владислав Михайлович Глинка работал. Главным образом этим трем людям мы обязаны сохранением Пушкинского дома. <...>